

WORLD CLASSICS BOOKS

ВЕРА
КРЫЖАНОВСКАЯ

ТОРЖИЩЕ БРАКА

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.И.

К85 Торжище брака / В.И. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 518 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76774-8

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Эдмунда Блэра Лейтона «Последние новости», 1920, частная коллекция.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76774-8

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	23
ГЛАВА III	51
ГЛАВА IV	91
ГЛАВА V	123
ГЛАВА VI	171
ГЛАВА VII	219
ГЛАВА VIII	249
ГЛАВА IX	265
ГЛАВА X	313
ГЛАВА XI	355
ГЛАВА XII	415
ГЛАВА XIII	455
ГЛАВА XIV	491

ГЛАВА I

В чудный майский вечер 1879 года несколько молодых девиц с воодушевлением болтали в обширном дотуаре, рассматривая содержимое бесконечного числа ящичков и картонок, разбросанных по полу и столам, которые стояли между кроватями, однообразно застланными белыми шерстяными одеялами.

Волнение пансионерок было вполне понятно. Все они находились накануне столь нетерпеливо ожидаемого дня. Завтра, после обедни и раздачи дипломов, они навсегда расстанутся с аристократическим пансионом Гортензии Виллис, вступят в светскую жизнь, столь заманчивую с виду, в которой каждая из них, наверное, рассчитывала найти счастье.

Молодые девушки без усталости примеряли наряды, присланные им из дому, сравнивали и любовались ими. Мало-помалу они разбились на группы, и вопрос о нарядах сменился мечтами о будущем. Четыре девушки устроились у открытого окна и вполголоса беседовали об ожидающих их летних и зимних удовольствиях.

Одна из них, обладавшая очень громким голосом, отличалась особенной неумимостью при перечислении предстоявших ей балов и вечеров, а также костюмов и бриллиантов, которыми она собиралась блеснуть на них; но с особенным удовольствием она останавливалась на многочисленных победах, которые она, без всякого сомнения, будет одерживать в свете.

Эта неумимая воркунья, отличавшаяся высоким ростом и замечательно крепким телосложением, име-

ла самую обыкновенную, хотя и решительную фигуру: чересчур развитый бюст, громадные руки и малосимпатичное лицо, которому большой рот, белые, острые зубы и вздернутый нос придавали какое-то вульгарное выражение. Звали ее Екатерина Карповна Мигусова. Она была дочерью одного очень богатого купца, сумевшего, благодаря своим миллионам, проникнуть в высшее общество, охотно посещавшее роскошные праздники и лукулловские обеды, устраиваемые в его великолепном доме. Он отдал свою дочь Екатерину в аристократический пансион госпожи Виллис не только с целью дать ей хорошее образование, но и ради того, чтобы она могла завязать знакомства с аристократическими семействами.

— А ты о чем грустишь, Тамара? — спросила одна из пансионеров, перебивая болтовню Мигусовой и обращаясь к одной из молодых девушек, которая давно уже умолкла и сидела в глубокой задумчивости.

— Нет, Надя, я не грущу, а просто задумалась о предстоящем отъезде, — ответила Тамара, целуя свою подругу, красивую блондинку.

— Если бы она и загрустила, то в этом ничего нет удивительного! Нельзя назвать особенно приятной перспективу покинуть Петербург и своих родных, чтобы ехать в Швецию, к чужим людям! — вмешалась в разговор Мигусова. — Откровенно сказать, я ничего не понимаю в дикой идее твоего отца, и на твоём месте, Тамара, я категорически объявила бы ему, что не хочу ехать! Отец очень любит тебя и, конечно, видя твою настойчивость, уступит твоему желанию.

— Нет! То, что ты предлагаешь мне, невозможно: я не могу не исполнить последней воли моей покойной матери.

— Но почему же она желала этого отъезда?

Лицо Тамары омрачилось, когда она ответила тихим голосом:

— Ведь вы знаете, что мама еще за несколько лет до своей смерти разошлась с моим отцом. Предвидела ли она, что он женится на другой, я не знаю; но только при свидании с ним, перед самой своей кончиной, она потребовала, чтобы меня отдали в пансион и чтобы все каникулы я проводила у госпожи Эриксон — ее кузины и лучшего друга; там же я должна прожить четыре года по окончании курса. Мой отец поклялся исполнить желание умирающей и сдержал свое слово. Неужели же я буду настолько легкомысленной, что воспротивлюсь воле умершей матери? К тому же я еду в Стокгольм без всякого отвращения. Я и моя мачеха вовсе не симпатизируем друг другу, она как тень стоит между мной и отцом. У тетушки же Эвелины я чувствую себя хорошо и очень люблю как ее, так и ее домашних. Ты знаешь, я всегда интересовалась живописью и если достигла в ней некоторого искусства, то обязана этим исключительно господину Эриксону — профессору живописи и известному портретисту. Он каждое лето серьезно занимался со мной и сказал, что если я хорошо поработаю в продолжение четырех лет, которые должна провести у них, то из меня выйдет настоящая художница.

Говоря это, Тамара воодушевилась, щеки ее покрылись румянцем, глаза засверкали наивным энту-

зиязмом. Это была очаровательная молодая девушка, резко выделявшаяся среди своих подруг необыкновенным изяществом форм: руки у нее были маленькие, как у ребенка, миниатюрное личико хотя и не отличалось классической правильностью черт, но, благодаря поразительной белизне кожи, розовому ротику и большим, прекрасно очерченным серым блестящим глазам, дышало какой-то неотразимой прелестью.

— Сделаться художницей? Вот так будущность, нечего сказать! — заметила с презрительной гримасой Мигусова. — И зачем? Благодаря Богу тебе нет необходимости зарабатывать кистью свой хлеб! Но я уже предвижу, что там, в Стокгольме, ты сделаешься настоящей мещаночкой, которая только и будет бредить живописью и хозяйством и в конце концов выйдет замуж за какого-нибудь меланхолического шведа. Брр!.. Они, говорят, ревнивы как турки! Нет, что касается меня, я отказываюсь от подобной будущности!.. Я даже не думаю выходить замуж раньше, чем через два или три года. Я хочу наслаждаться свободой, веселиться сколько мне угодно — и только почувствовав себя утомленной, выйду замуж за графа или князя.

Тамара, слушавшая ее сначала с недовольным видом, разразилась под конец громким и веселым смехом.

— Ты сама не думаешь о том, что говоришь, Катя... Ты должна выйти замуж только за того, кого полюбишь... А если любимый человек окажется без титула?.. Или представь себе (при этом на лице молодой девушки появилась лукавая улыбка), что не найдется ни од-

ного князя или графа, который пожелал бы сделать тебя своей женой? Тогда как?

Маленькие голубые глазки Кати засверкали, губы сложились в насмешливо-презрительную улыбку.

— Нет, мой друг, это ты не понимаешь того, что говоришь... Наши графы и князья, по большей части, так хорошо сумели распорядиться своими состояниями, что теперь как рыба воды жаждут обладать богатой наследницей. Не пожелают взять меня в жены! Не беспокойся! Ты забываешь, что мы живем в век материализма и что у меня миллион приданого... Не пустые обещания, а миллион, лежащий чистыми денежками в государственном банке, не считая моих туалетов, бриллиантов, серебра и прочего. Нет, эта приманка привлечет ко мне столько князей и графов, что мне останется только выбрать из них любого!

— Миллион!.. Какое огромное состояние! — заметила третья молодая девушка с выражением зависти на бледном лице. — Какая ты счастливая, Катя! А мне бабушка дает только восемьдесят тысяч рублей.

— Ну, и это очень приличная сумма, ты можешь быть покойна: у тебя также не будет недостатка в обожателях, — возразила снисходительно Катя. — Вот бедной нашей Наде будет труднее пристроиться, если только она не одержит победы над толстым полковником, уже два раза привозившим ей конфеты, — закончила она с громким смехом.

Тамара слушала, сдвинув брови.

— Фи! — перебила она разговаривавших. — Вы рассуждаете о своем приданом и считаете рубли, как два еврея-ростовщика! Ну, а сами-то вы ничего не стоите?..

По моему мнению, в деле брака только одна любовь должна иметь влияние на выбор, а никак не деньги.

— Не в наше время! Теперь только и говорят о деньгах, — возразила Катя. Вот вам пример: прошлой осенью один из приятелей моего отца, Сосунов, выдал свою дочь за барона. Вы видели Прасковью Сосунову — она не раз навещала меня. Она не молода и не красива, кругла как мяч, с лицом, покрытым веснушками, а между тем ее муж, молодой и красивый мужчина, уверяет, что страстно любит ее.

— И она верит? — спросила Тамара.

— Конечно; я кусала платок, чтобы не расхохотаться, когда Паша рассказывала, как муж ее обожает. Я, конечно, понимала, что источником этого обожания служат триста тысяч приданого, которыми отец благо-разумно обеспечил свою дочь. Но довольно об этом! Пойдем, Наташа, я покажу тебе только что присланный мне браслет.

Как только Катя с Наташей удалились, Надя обняла Тамару за талию и прислонилась головой к ее плечу. Она вся вспыхнула при намеке Мигусовой на то, что у нее нет состояния, и теперь была, видимо, возбуждена.

— Тамара, посоветуй мне в одном деле, которое я хочу тебе доверить...

И, не дожидаясь ответа подруги, она продолжала:

— Ты знаешь, что у меня нет никакого состояния и только благодаря тетке я получила здесь образование. У нее я и буду жить. Ну, так вот: моя тетка хочет, чтобы я вышла замуж за того самого полковника Кулибина, над которым только что насмеялась Катя.